

Ярослав Вишняков
доктор исторических наук
МГИМО МИД России
vishnyakov@yandex.ru

СЕРБЫ ПОД РУССКИМ СТЯГОМ 1876/1916.

Аннотация: Статья посвящена судьбе ставшего символом русско-сербского боевого братства знамени русских добровольцев сербо-турецкой войны 1876 г. Специально изготовленное на народные пожертвования оно долгое время хранилось в Сербском подворье г. Москвы, а в сентябре 1916 г. было торжественно передано в сформированный в России Сербский добровольческий корпус. Особо примечательно, что именно под этим знаменем сербские солдаты и офицеры приняли участие в антибольшевистской борьбе на русском Севере в 1918–1919 гг.

Ключевые слова: Михаил Черняев, Милан Обренович, Славянский комитет, Сербо–турецкая война 1876 г., Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Сербский добровольческий корпус 1915–1917.

События восточного кризиса 1875–1876 гг., а также последовавшей за ним Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. получили довольно обширное освещение как в российской, так и в европейской историографии¹. Актуализации изучения проблематики, связанной с оценками российской политики на Балканах второй половины XIX

1 См.: например: *Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в.:* (сб. статей), Москва, 1981; *Россия и Болгария: К 125-летию русско-турецкой войны 1875–1878 гг.*, Москва, 2006, 172 с; *Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы*, Москва, 2008; С.П. Цехмистренко, *Греция, Россия и Восточный кризис 1875–1878 гг.: Страницы истории*, Москва, 2013, 224 с.; К.В. Мельчакова, *Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг.*, Москва, 2019; Л.Ю. Пахомова, *Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия. (1878–1908)*, Москва, 2021.

в., способствовало празднование в 2018 г. 140-летия окончания войны с Османской империей и установления российско-болгарских дипломатических отношений. Посвященные этим событиям самые разнообразные культурные, общественно-политические и научные мероприятия стали заметной приметой общественной, научной и культурной жизни как России, так и стран балканского региона. При этом в угоду политической конъюнктуры в общественно-политическом дискурсе не только Болгарии, но и Сербии стали заметны попытки подвергнуть исторической ревизии как собственно роль России в освобождении Балкан от турецкой зависимости, так и итоги Сан-Стефанского договора и последовавшего за ним Берлинского конгресса, который традиционно воспринимается как дипломатическое поражение царской дипломатии. В этом смысле солидаризируемся с мнением корифея отечественной славистики В.Н. Виноградова, писавшего: «Что было до? Болгария в крови и развалинах. Сербия разгромлена войсками Османа-паши, будущего защитника Плевны. Босния и Герцеговина – восстание на грани агонии. Румыния – провал попыток добиться независимости, закамуфлированной под индивидуальность. Восстановление власти Порты на Балканах лишь вопрос времени. И прозябание на полуострове. Что стало после? Через 34 года произошло то, о чем предки не грезили даже в сладких мечтаниях. Сербь, болгары, черногорцы, греки самостоятельно разгромили Османскую империю. И долгий путь к победе начался 3 июля 1878 года в день подписания Берлинского трактата, принесшего трем княжествам независимость и позволившего болгарам восстановить порушенную почти за полтысячелетия до того государственность»².

Действительно, в истории Европы Берлинский конгресс стал неким водоразделом, завершившим в ее истории 30-летний период конфликтов и потрясений. После его подписания и до начала Первой балканской войны 1912 г. европейский континент уже не испытывал глобальных военных конфликтов, кроме трех скоротечных войн на его задворках – между Сербией и Болгарией в 1885 г., Турцией и Грецией в 1897 г. и итало-турецкой войны 1911–1912 гг. Причем амбиции Италии на Триполи впервые были санкционированы на том же Берлинском конгрессе. Таким образом, по словам В.Н. Виноградова, «язык не поворачивается клеймить позором договор, перечеркнув-

2 *История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие (1856-1878)*, отв. ред. В. Н. Виноградов, Москва, 2012, с. 325.

ший последние тяжелые для России итоги Крымской войны, [...] признавший государственную независимость Сербии, Румынии и Черногории, [...] нанесший Османской империи удар, от которого она уже не оправилась. [...] Наступила новая эпоха в истории полуострова, первую скрипку в ней стали играть сами балканские народы»³.

Однако, вернемся к истокам этого кризиса. Вспыхнувшее летом 1875 года антитурецкое восстание в Герцеговине побудило молодого сербского князя Милана Обреновича начать подготовку к войне с Турцией. В июне 1876 г., предварительно подписав соглашение о военно-политическом союзе с Черногорией, он объявил о начале военных действий, которые, продлившись всего четыре месяца, привели к закономерному поражению слабой плохо обученной сербской армии. В октябре 1876 г. после вмешательства России, которая предъявила Порте соответствующий ультиматум, военные действия были прекращены. С событиями скоротечной войны 1876 г., 145-летие которой отмечались в 2021 г. неразрывно связано имя главнокомандующего сербской армией известного российского генерала, покорителя Ташкента М.Г. Черняева, который прибыл в страну весной 1876 г.⁴

Именно в период развития Восточного кризиса 1875–1878 гг. среди русского общества получила распространение новая форма помощи «братьям славянам» – массовое добровольческое движение, что стало в условиях самодержавной России уникальным примером самоорганизации общества. Несмотря на то, что многими уезжающими на Сербско-турецкую войну двигали самые разнообразные побудительные мотивы, причем не всегда бескорыстные, идея о прямом участии в судьбе южных славян стала получать широкую общественную поддержку, а при Славянских комитетах⁵ появились специальные вербовочные пункты⁶. Причем число желающих ехать в Сербию было на-

3 Там же, с. 327.

4 А. Л. Шемякин, „Генерал М. Г. Черняев и Сербская война“, *Русский сборник. Исследования по истории России. Т. II*, Москва, 2006, с. 199–217.

5 Славянские комитеты - общественно-политические и благотворительные организации в России середины XIX - начала XX вв., созданные для оказания различной помощи славянским народам, находившимся под турецким и австро-венгерским владычеством. Активную роль в их деятельности играли славянофилы. Первым в 1858 г. был создан Московский славянский комитет, в 1868 г. открылось его Петербургское отделение. В 1869 г. был образован Киевский, а в 1870 г. – Одесский славянский комитет.

6 С.А. Никитин, *Славянские комитеты в России*, Москва, 1960.

много большим, чем изначально рассчитывали⁷. Большую роль в этом играло и сербское подворье, которое до получения Сербией полной независимости в 1878 г., помимо своих непосредственных функций, связанных с развитием церковных и культурных связей с Россией, по словам исследователя Л.В. Кузьмичевой, посвятившей истории его создания не одну научную публикацию, являлось «фактически первым официальным представительство Сербии в России»⁸.

Замечу, что в задачу данной статьи, цель которой осветить небольшой, но на наш взгляд интересный эпизод тех событий, не входит исследование аспектов Восточного кризиса 1875 г., равно как и разбор событий Сербско-турецкой войны 1876 г., принесшей многим ее участникам – русским добровольцам, большую степень разочарования. Причем ни точное количество отправившихся туда, ни имена многих русских добровольцев, павших за свободу Сербии, до сих пор неизвестны⁹.

Пик кампании по вербовке добровольцев пришелся на июль-август 1876 года. Отъезд их в Сербию вызвал неподдельный энтузиазм российского общества, сопровождавшийся шумными патриотическими манифестациями и торжественными молебнами. В Москве на пожертвования было изготовлено специальное воинское знамя¹⁰.

7 Л.В. Кузьмичева, «Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г.», *Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX века*, Москва, 1981, с. 77–98.

8 Л.В. Кузьмичева, «Открытие Сербского Подворья в Москве в 70-е годы XIX века», *Историки-слависты МГУ: Славянский мир в поисках идентичности: В ознаменование 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи. Кн.8.*, Москва, 201, с. 306.

9 Участник добровольческого движения Н.А. Хвостов писал о четырех тысячах находившихся в Сербии русских добровольцев. См.: Н.А. Хвостов, *Русские и сербы в войну 1876 года за независимость христиан: общий критический обзор*, Санкт-Петербург, 1877, 79-с. с. 38. Интернет-ресурс: <https://www.prlib.ru/>

10 Материалы о судьбе Черняевского знамени в 1876–1917 гг. и связанных с ним событиях, вместе с сотнями других архивных документов нашли отражение в сборниках документов «Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны», втором и третьем томах архивных документов *Москва-Сербия. Белград-Россия*, также в коллективном труде *На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны* См.: Я.В. Вишняков, А.Ю. Тимофеев, Г. Милорадович, *Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сб. док-тов*, Москва, 2014, 404 с. Интернет-ресурс: <https://mgimo.ru/>; Я.В. Вишняков, А.Ю. Тимофеев, Г. Милорадович, *На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. Москва*, 2018; *Москва – Сербия. Белград – Россия. Сб. док. и мат-лов, В 4 т. Т. 2-3. 1804–1878*, Москва–Белград, 2011–2012.

Согласно докладной записке императору Александру II, подготовленной III отделением, «первая мысль об изготовлении означенного знамени принадлежит члену Московского славянского благотворительного комитета, служившему в Лесном департаменте, отставному коллежскому регистратору Михаилу Трескину. Мысль эта была обсуждается на собрании означенного Комитета, которое и определило: по изготовлении знамени отправить его сербскому воинству. Помянутое знамя есть копия знамени Московской великокняжеской дружины Дмитрия Донского и сделана в виде хоругви со следующими надписями: 1. “Именем русских людей, желающих вручить знамя сербскому воинству во имя освобождения от вражеского ига, порабовавшего братьев-славян в продолжении пяти веков” и 2. “От такого же ига избавилась и Россия 8 сентября 1380 года на Куликовом поле победою, одержанною под таковым же знаменем, бывшим в Московской великокняжеской дружине и на которое в последние минуты перед битвою в лице своих князей, вождей и рати молилась вся Россия”»¹¹. Изготовлено оно было достаточно быстро. Уже в середине августа 1876 г., как доносил пристав Тверской части московскому обер-полицмейстеру, на Тверской улице, в магазине Шадрина «для обзора публики» было выставлено «знамя, предназначенное генералу Черняеву, и кружка для сбора в пользу пострадавших славян»¹². Причем слухи об отправлении этого символа в Сербию быстро распространились по древней российской столице. В частности, в докладной записке пристава Басманной части московскому обер-полицмейстеру от 24 августа 1876 г. говорилось: «Вследствие напечатанной статьи в № 214 «Русских ведомостей» 24-го сего августа о том, что изготовленное для генерала Черняева знамя будет отправлено в Сербию по Курской железной дороге, уже с 7 часов пополудни громадное количество народа начало стекаться к вокзалу, и, несмотря на заявление со стороны полиции и лиц, служащих в управлении станции, что знамя отправлено не будет, публика не верила, ссылаясь на газетную статью, не расходилась, а, напротив, прибывала, и в 8 часов вечера наполнила все залы пассажирской станции, площадь вокзала и даже противоположающую сторону линии, где стояли приготовленные вагоны. При отъезде волонтеров публика пела: “Спаси, Господи, люди твоя” и гимн “Боже, царя храни”, повторенный несколько раз. Кричали “ура” государю императору и

11 *Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов, 1804–1878 гг. Т.2.*, Москва–Белград, 2011, с. 578.

12 Там же, с. 436.

наследнику цесаревичу, кричали “ура” князю Милану, “живіо” сербскому народу и “ура” Черняеву. Кричали “на турок”, “смерть туркам”, “смерть башибузукам”, “смерть англичанам”. Когда двинулся поезд, вагон, где сидели волонтеры внутри, на тормозе и передней площадке вагона зажглись бенгальские огни. Неумолкаемое “ура” раздавалось вслед уехавшим, и многие из публики были убеждены, что в багажном вагоне повезено и знамя, а другие остались в предположении, что знамя будет отправлено 25 августа по Курской железной дороге, а не по Смоленской. Шедший в это время дождь заставил многочисленную публику наполнить залы вокзала, а многие, избегая тесноты и давки, влезли на столы, причем ограждавшие платформу перила и барьеры были свалены, сломаны. Стоявший большой стол в зале 1-го класса от напора и давки публикою был тоже поломан. Несчастий же с людьми не было, хотя опасность и являлась от непреходимой толпы на линии рельсового пути, и только энергическими усилиями полиции, местных жандармов и служащих лиц на станции, беспрестанными напоминаниями, при темноте, с трудом могли очистить путь, осветив таковой ручными фонарями и свистками локомотива, чтобы публика дала место отходившему поезду»¹³.

Однако эти ожидания публики были обмануты, а на следующий день, 25 августа 1876 г., знамя освятили в Троице-Сергиевой лавре. Во время церемонии оно было «вынуто из ящика и положено на мощи преподобного Сергия». После этого в переполненном Свято-Троицком соборе «духовенством знамя было перенесено на середину церкви и читались обычные молитвы при освящении знамен вообще; во время этого знамя было прибито к древку первым гвоздем архимандритом Саввою и прочим духовенством, а потом всеми участвовавшими в привозе его лицами и наконец бывшими случайно дамами и генералом Замятиным»¹⁴. В тот же день, как отмечалось в докладе московскому генерал-губернатору, знамя «в особом отделении вагона перевезено в Москву», а затем в «закрытом ящике» было «увезено к Страстному монастырю на квартиру вице-президента Славян-

13 Там же, с. 438.

14 Там же.

ского комитета Батюшкова¹⁵,¹⁶, игравшему в организации патриотических демонстраций в Москве не последнюю роль.

Теперь уже новые слухи об отправке знамени в Сербию стали будоражить московскую патриотическую общественность. «Сего числа в ожидании отправления знамени, пожертвованного московским обществом г-ну генералу Черняеву, по Смоленской железной дороге в 7 ½ часов вечера публика большими массами торопилась с раннего времени к станции означенной дороги и расположилась для встречи на площадке возле станции и платформы. Когда приближалось время к отходу поезда, публика интересовалась знать, где знамя, и слышны были отзывы некоторых, что знамя положено в вагон ранее, а некоторые, не веря разговору, отвечали, что того не может быть и оно должно быть доставлено, и когда уже ударил последний звонок к отправлению поезда, а знамя все еще не было доставлено, то часть публики, преимущественно из простого класса, бывшие на платформе, прокричавши редкое “ура”, разошлись, и беспорядка со стороны их никакого сделано не было», – говорилось в докладной записке пристава Пресненской части московскому обер-полицмейстеру от 26 августа 1876 г. На следующий день долгожданная отправка знамени наконец-таки состоялась, что также сопровождалось шумными патриотическими манифестациями, причем это событие за короткое время собрало на станции более 10 тысяч человек, которые снова «пели народный гимн и кричали “ура!” государю императору, князю Милану, кн[язю] черногорскому, победоносному воинству русскому, воинству сербскому и отъезжающим волонтерам, а также раздавались крики “на турок”, “смерть туркам!”». После отхода поезда, как говорилось в докладе московского генерал-губернатора В.А. Долгорукова министру внутренних дел Н.В. Мезенцеву, толпа народа «разного звания», «увеличившаяся на пути любопытными до 1000 человек, направилась со станции железной дороги по Тверской улице без шапок и пела народный гимн и кричала «ура!». Так как собрание народа было многочисленно, то полиции было приказано действовать как можно осторожнее, быть

15 Имеется в виду занимавший пост председателя московского славянского комитета историк и писатель Помпей Николаевич Батюшков (1811–1892) – единственный брат знаменитого поэта К.Н. Батюшкова. Известен своими трудами по истории русской православной церкви, археологии и этнографии Юго-Западной и Северной России.

16 *Москва – Сербия, Белград – Россия*, с. 579.

с публикою вежливее и приглашать ее расходиться по домам, не употребляя никаких строгих мер»¹⁷.

Естественно, что данные манифестации, несмотря на выданные полиции распоряжения, не на шутку испугали правительственные круги, особенно в контексте опасности народнического террора, а на письменном сообщении о произошедших в Москве 27 августа 1876 г. демонстрациях сам Александр II «против того места доклада, где говорится, что главным распорядителем по отправлению церкви и знамени был тайный советник Батюшков, [...] собственноручно изволил начертать: “Объявить ему мое неудовольствие за отправление знамени без разрешения правительства и чтобы он впредь был осмотрительнее”»¹⁸. Но чинить препятствия ни вывозу стяга в Сербию, ни добровольцам не стали. Более того, 27 июля 1876 г. Александр II подписал специальный указ, разрешивший отставным офицерам русской армии ехать на войну в Сербию.

В Белграде копия хоругви с поля Куликова вызвала воодушевление. Её торжественно встречали князь, министры, духовенство, войска и общественность под музыку и колокольный звон. 12 сентября 1876 г. русский эскадрон с ней отправился в сербскую Тимокско-моравскую армию Черняева¹⁹. Князь Сербии Милан Обренович с благодарностью москвичам за присланное, по его словам, «дорогое по историческим воспоминаниям знамя», символизировавшее историческую параллель между победой на поле Куликовом и сражениями сербов под командованием российского генерала с участием русских добровольцев за освобождение Сербии от османского ига, писал: «Взирая на это знамя, я в сию минуту преимущественно обращаюсь к сердцу России – к первопрестольному граду её и от души говорю: да здравствует матушка Москва»²⁰.

Однако в октябре сербские войска в сражении у Джуниса потерпели поражение и лишь ультиматум России, предъявленный Османской империи 31 октября 1876 г., спас Сербию и Черногорию от полного разгрома. В феврале 1877 г. Сербия подписала мир с Османской империей. Заметим, что память о тех событиях сохранялась довольно долго. Иллюстрированная газета «Новости Дня», выходившая в Петербурге, сообщала в 1901 г.: «18-го октября, в 25-ю годовщину Джуниского сражения сербско-турецкой войны 1876 г. группой оставшихся

17 Там же, с. 451.

18 Там же, с. 581.

19 Там же, с. 461–463.

20 Там же, с. 583.

в живых участников этого сражения, русских добровольцев, была отслужена в Казанском соборе панихида по в Бозе почивающим Императорам Александру II и Александру III, короле сербском Милане Обреновиче, главнокомандующем сербской армией генерале Черняеве и всем русским и сербским воинам в этой борьбе павшим»²¹.

Несмотря на то, что война 1876 г. закончилась поражением Сербии, российское общественное мнение, подогреваемое работой Московского славянского комитета, способствовало решению императора Александра II уже в следующем году начать войну с Османской империей, на завершающем этапе которой к ней присоединилась и сербская армия. Победоносное ее окончание принесло Сербии долгожданную полную независимость.

История знамен, находившихся в штабе Черняева в городе Делиграде, изобилует «белыми пятнами». Следы копии стяга дружины Дмитрия Донского затерялись в водовороте военных событий 1876–1878 гг. А судьба ещё одного Черняевского знамени, сделанного в цветах российского триколора двуглавого орла, окаймленного лентами с надписью «За веру и свободу славян», отражает традиции российско-сербского боевого братства, выдержавшего испытание временем и получившего удивительное продолжение в годы другой, роковой для Российской империи войны – Первой мировой, в ходе которой добровольческое движение получило новое развитие²². Это Черняевское знамя, перевезённое после окончания военных действий 1876 г. из Сербии в Москву, хранилось в качестве святыни в Сербском подворье и использовалось в торжественных ритуалах. Например, в ноябре 1878 г. во время малого освящения отремонтированного Благовещенского храма²³. А в марте 1910 г. во время официального визита в Россию сербский король Петр Карагеоргиевич на торжественном богослужении «занял место по правой стороне перед знаменем русских добровольцев, сражавшихся за Сербию в 1876 г.»²⁴. В январе 1915 г. с Черняевским знаменем прошло массовое шествие в Москве при проведении Дней Сербии и Черногории, в ходе которых были собраны и

21 Интернет ресурс: <http://starosti.ru/article.php?id=16201>

22 См. Я.В. Вишняков, А.Ю. Тимофеев, Г. Милорадович, *На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны*, Москва, 2018.

23 История Сербского Подворья Моя Сербия, Интернет-ресурс: <http://www.srbija.ru/>

24 Московский листок. 1910. 16 марта. с. 2; *Москва – Сербия. Белград – Россия. Сб. док. и мат-лов. В 4 т. Т. 3. 1878–1917*, Москва–Белград, 2012, с. 119.

переданы их представителям около 50 тыс. рублей²⁵. И именно этот стяг через 40 лет после сражений в Сербии вновь оказался во главе ратного строя добровольцев – только уже сербских в России.

К началу января 1915 г. в России насчитывалось более 250 тыс. плененных военнослужащих австро-венгерской армии, а уже к осени 1917 г. их число достигло 2 млн. Среди них находилось более 300.000 югославян – сербов, хорватов, словенцев. Значительное их число оказалось сосредоточено в районе Одессы, где по инициативе сербского военного агента Лонткевича и посла Спалайковича развернулось активное формирование югославянских добровольческих частей для переброски этих подразделений на сербский фронт. Однако военное поражение Сербии осенью 1915 г. и эвакуация остатков ее армии на о. Корфу внесли в эти планы существенные коррективы. Теперь речь шла об организации полноценного воинского формирования для использования его на русском фронте с последующей переброской на Салоникский фронт. Вскоре данная инициатива стала приобретать практические очертания, активизировалась и вербовка добровольцев в лагерях военнопленных, а уже находившаяся в Одессе группа добровольцев была трансформирована в Сербский добровольческий отряд. Так, в самом конце 1915 – начале 1916 г. начала формироваться Первая сербская дивизия, укомплектованная для удобства управления по принципам, принятым в русской армии, а именно: четырехполкового состава, по три батальона в каждом полку. Во главе ее был поставлен выехавший вместе с 94 офицерами в начале февраля 1916 г. с Корфу через Бриндизи, Рим, Париж, Лондон полковник Стеван Хаджич²⁶. Начальником штаба стал подполковник Воин Максимович²⁷. Кроме того, в состав формируемой дивизии были включены и русские военные чины, прежде всего технический, медицинский и ветеринарный персонал, и придана пулеметная команда. «При этом сапоги, белье обмундирование и снаряжение положено отпускать русского образца, за исключением фуражек, взамен которых введены особые, сербско-

25 А. Иванов, „«Москва – святылище славянства». 100 лет назад в Первопрестольной прошли Дни Сербии и Черногории”, Русская народная линия, 24.01.2015. Интернет-ресурс: <https://ruskline.ru/>

26 Хаджич Стеван (1868–1931) – известный сербский генерал. Награжден орденом св. Георгия 4-й степени. В Королевстве Югославия четыре раза занимал пост военного министра.

27 Максимович Воин (1876–1942) стал известным сербским генералом, профессором военной академии, редактором газеты «Воин».

го образца шапки» (шайкачи – Я.В.).²⁸ Летом 1916 г. было принято решение о формировании Второй сербской добровольческой дивизии. Обе было объединили в единый корпус под командованием известного сербского генерала М. Живковича²⁹. В целом его комплектование было завершено к началу осени 1916 г., а части корпуса были расквартированы в районе Одессы и Александровска (ныне Запорожье). Помимо этого, стал формировался и сербский запасной батальон.

В середине мая 1916 г. свежесформированное подразделение осмотрели российский император Николай II и находившийся с визитом в России сербский премьер-министр Никола Пашич, что говорит не столько о военном, сколько о политическом значении новых сербских формирований. После трагедии осени 1915 г., героического перехода сербской армии через горы Албании и Черногории с последовавшей затем ее эвакуацией на о. Корфу и переброской ее сильно поредевших частей на Салоникский фронт этот корпус, по словам генерала Эбелова³⁰, мог рассматриваться как фактически единственный ресурс «в руках сербского правительства при возвращении его на родину, где всё мужское население в возрасте военнообязанных истреблено швабо-болгарами»³¹. В этом смысле символическим жестом находящегося в изгнании сербского правительства стала передача корпусу знамен сербской армии, специально присланных в Одессу королем Петром Карагеоргиевичем. Доброволец А.Р. Трушнович³², ставший впоследствии офицером Корниловского ударного полка, так вспоминал об этом событии: «Боевая Сербская армия не привыкла к торжественным смотрам и многочисленным парадам в Одессе вызывали недовольство. Мы же, “австрийцы”, этих чудес насмотрелись

28 Поливанов – Сазонову 24.02.1916 г. АВПРИ. Ф. Политархив. оп. 482. Д. 4028. Л. 7.-7 об.

29 О нем см. подробнее: М. Живковић, *Добровољачки корпус у Русији. „Сећања команданта“*, приредио А. Животић, Београд, 2018.

30 Эбелов Михаил Исаевич (1855–1919) генерал от инфантерии. В годы Первой мировой войны занимал должность Главного начальника Одесского военного округа. В 1919 г. был расстрелян большевиками.

31 Я.В. Вишняков, А.Ю. Тимофеев, Г. Милорадович, *Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сборник документов*, Москва, 2014, с. 217.

32 А.Р. Трушнович (1893–1954) – доброволец, уроженец Словении, участник белого движения. До 1934 г. проживал в СССР, после чего добился выезда в Югославию. Видный член русской эмигрантской организации НТС (Национально-Трудовой Союз). В время Второй мировой войны был в составе РОА ген. Власова. С 1950 г. Трушнович возглавлял в западном Берлине Комитет помощи русским беженцам. Похищен в Западном Берлине и убит советскими спецслужбами.

достаточно. Но как при таком событии, как создание сербских воинских частей в составе Русской армии, обойтись без торжеств?! Первым из них была передача в одесском театре знамен, присланных добровольческим полком королем Сербии Петром Первым. Присутствовали при этом премьер-министр Сербии Никола Пашич и французский министр Альбер Тома. Исполняли гимны всех наших союзников, каждый по три раза! Вспоминая об этом через годы, я понял слова генерала Людендорфа в его записках: «И остались мы одни во всем мире»³³.

Однако корпусу были приданы не только сербские знамена. В конце сентября 1916 г., для поднятия боевого духа солдат его 1-й дивизии, несших в то время значительные потери в добруджанских боях, из сербского подворья в Москве было передано знамя русских добровольцев, сражавшихся под командованием генерала М.Г. Черняева, а для его принятия в Москву приехала специальная делегация сербских офицеров во главе с полковником Крестичем. 26 сентября 1916 г. знамя после торжественного церемониала было отправлено в Одессу. Из сербского подворья знамя было доставлено в Кремль, где сербские офицеры склонили его у подножья памятника Александру II, возложив лавровый венок с надписью «Благодарные сербы – великому Царю-Освободителю». Затем до Брянского вокзала (ныне Киевский) знамя провожал почетный караул с оркестром.

Популярный в те годы журнал «Искры», иллюстрированное приложение к газете «Русское слово», разместил фотографии этого события, снабдив их следующим комментарием: «После освободительной войны 1877 года знамя русских добровольцев, сражавшихся в сербской армии под предводительством генерала М. Г. Черняева, было привезено в Москву и в продолжение 40 лет хранилось в храме сербского подворья. Казалось, что оно исполнило свою роль, и как священная реликвия вечно останется в храме. Но судьбе угодно было, чтобы этот святой стяг, под сенью которого пали смертью героев за освобождение славян лучшие сыны России – Киреев³⁴, Раевский³⁵ и

33 А. Р. Трушнович, *Воспоминания корниловца (1914-1934)*, Москва-Франкфурт, 2004, с. 40-41.

34 Киреев Николай Алексеевич (1841-1876) - деятель Санкт-Петербургского славянского комитета. Под именем Хаджи-Гирей стал добровольцем сербской армии. Погиб в 1876 г. у с. Раковица. Его труп намеренно был обезображен турками.

35 Раевский Николай Николаевич (1839-1876) – полковник, потомок легендарного героя войны 1812 года. Принял деятельное участие в покорении Туркестана. В 1876 г. вышел в отставку и отправился в сербскую армию. Погиб в местечке Горни Адровац. На месте его гибели возведен храм св. Троицы. Явился

др., чтобы это знамя снова заколыхалось, чтобы оно окрыляло тех же сербских, которые не раз с ним шли из боя в бой и которые остались верными сынами славянства. Увы, это знамя будет развеиваться как раз над Балканами, уже раз освобожденными русскими, усеявшими их склоны бесчисленными могилами и залившими их потоками крови. Когда знамя осенит эти могилы, – а оно вскоре осенит их, – задрожат от радости кости героев, заколышется священный прах их, и могильная тишина их будет нарушена голосами братьев:

– Спите спокойно, родные. Около вас – свои.

В свою очередь газета «Московские Ведомости» в номере от 27 сентября 1916 г. отметила, также подчеркивая особую смысловую преемственность событий, что из подворья «знамя было вынесено полковником И.Е. Ивановым, участником добровольческого Черняевского отряда»³⁶.

Начавшиеся вскоре революционные события в России имели для судьбы корпуса трагические последствия. Так и не была доведена до конца переброска его солдат на Салоникский фронт. В тоже время на фоне общего распада русской императорской армии, в его рядах началось брожение, массовое дезертирство, из состава корпуса стали формироваться «альтернативные» национальные воинские подразделения, некоторые солдаты и офицеры вступили в Чехословацкий корпус. Таким образом значительная часть его бывших военнослужащих оказалась рассеяна по необъятной России – от Владивостока до Архангельска и вовлечена в события братоубийственной Гражданской войны, причем по разные стороны баррикад. Некоторая часть его личного состава оказалась на русском севере, в Мурманске и Архангельске, ставших для них своеобразным «окном в Европу», перевалочным пунктом перед отправкой на родину.

На фоне разложения корпуса, в августе 1917 г. черняевское знамя передали на хранение сербскому запасному батальону, который весной 1918 г. был переброшен в Мурманский район и вошел в качестве отдельного подразделения в состав высадившихся там английских войск. Он дислоцировался на имевшей стратегическое значение станции Кандалакша, а основной задачей сербов стала охрана мурманской железной дороги. Однако особо примечательно, что антибольшевистскую борьбу солдаты и офицеры батальона вели именно

прототипом Алексея Вронского из знаменитого романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». См. А.Л. Шемякин, *Смерть графа Вронского*, Санкт-Петербург, 2007.

36 *Москва – Сербия. Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т.3*, Москва, 2012, с. 350.

под этим легендарным знаменем, покинув Мурманск только в октябре 1919 г. Сегодня в Кандалакше сохранились две сербские могилы – единственное свидетельство пребывания сербов на русском Севере в годы Гражданской войны.

История этого легендарного стяга возможно осталась бы неизвестной, если бы не проявленный к нему интерес журналиста, научного сотрудника Мурманского госархива Д.А. Ермолаева. После ряда запросов в архивы Сербии и России при помощи известных ученых-сербистов Е.Ю. Гуськовой и А.Ю. Тимофеева ему удалось выяснить, что хранящийся в экспозиции Военного музея Сербии ценный экспонат под названием «Знамя русских добровольцев» и есть то самое знамя³⁷. Его 24 декабря 1919 г. в пригороде Белграда Земуне запасной батальон, прибывший с русского севера, при расформировании сдал вместе со своими документами и батальонным архивом военному министерству. В 1934–1937 гг. реликвии, собранные оборонным ведомством, стали экспонатами воссозданного Военного музея, основанного в Белграде указом Милана Обреновича в 1878 г. и разграбленного при австро-германской оккупации Сербии в 1915–1918 гг. Это открытие дало старт реализации проекта по изготовлению копии знамени, осуществленного учащимися средней школы № 10 города Кандалакша. В школьном кабинете истории развернули экспозицию «Черняевское знамя – символ единения славян». 5 мая 2019 г. копию знамени освятил митрополит Мурманский и Мончегорский Митрофан³⁸. Главный результат поисков легендарного стяга их инициатор Д.А. Ермолаев увидел в том, «что знамя вновь, как когда-то, объединило вокруг себя множество разных людей в России и Сербии»³⁹. И экспозиция белградского военного музея с Черняевским знаменем и его копия в России, в заполярной Кандалакше, служат этой цели.

ПРОФ. ДР Ј. В. ВИШЊАКОВ

37 Д.А. Ермолаев, „Под Черняевским знаменем: Сербы в антибольшевистской борьбе на Русском Севере”, *Наука и бизнес на Мурмане. «Мурман – Сербия»*, № 3(48), 2005, с. 18–31; Д.А. Ермолаев, „В поисках Черняевского знамени”, *Мурманский вестник*, 2018, 5 октября, интернет-ресурс: <https://www.mvestnik.ru/>

38 Проект «Черняевское знамя – символ единения славян». Сайт МАОУ СОШ № 10 г. Кандалакша: <http://kschool10.mu1.ru/>

39 Д.А. Ермолаев, „В поисках Черняевского знамени”.

МГИМО МИД РФ
vishnyakov@yandex.ru

СРБИ ПОД РУССКОМ ЗАСТАВОМ 1876/1916.

Кључне речи: Михаил Черњајев, Милан Обреновић, Словенски комитет, српско-турски рат 1876, руско-турски рат 1877–1878, српски добровољачки корпус 1915–1917.

Резиме: Колективно сећање на заједничко учешће Русије и Србије у догађајима Првог светског рата важна је компонента у палети заједничког сагледавања прошлости. Стога морамо констатовати да је Први светски рат значајан елемент историјског памћења и постао је својеврсна матрица не само прошлог века него и садашњости. Чланак је посвећен судбини заставе руских добровољаца у српско-турском рату 1876. године, која је постала симбол руско-српског војног братства. Посебно израђена за јавне донације и дуго чувана у комплексу Српске православне цркве у Москви, септембра 1916. свечано је предата Српском добровољачком корпусу формираном у Русији. Уочљиво је да су управо под овом заставом српски војници и официри учествовали у антибољшевичкој борби на руском северу 1918–1919.